

**О ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ
ДЕСАКРАЛИЗОВАННОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

А.Г. Инговатова

Данная статья посвящена трансформации смысла науки. Автор считает, что основа трансформации – в утрате сакрального образа мира. Реальность мироздания обусловлена интегральным организующим смыслом. Изменение задач и образов науки связано с отказом от абсолютного смысла мироздания. Трансформация научного познания зависит напрямую от принятого человеком понимания бытия. В статье предложена социокультурная и историческая ретроспектива типов мышления. Прослеживается процесс упрощения начальных установок научного разума. Решается задача выявления причин смысловой редукции научного познания. Автор считает, что только актуализация метафизических вопросов в науке сможет вернуть ее в нужное русло. Метафизика с ее идейно-духовным содержанием сможет направить науку к преодолению проблем современного рационализованного мышления. Ценностное отношение к реальности избавит от издержек наивного реализма и эмпиризма, доминирующих в науке. Узкое эмпирически настроенное мышление обостряет проблему отношений современного человечества и мира, приводит к углублению духовного и глобально-экологического кризиса. Преодолеть накопившиеся противоречия может восстановленная в своих правах метафизическая ориентация. Она позволит ввести в орбиту научной рациональности необходимый онтологический и ценностно-смысловой фундамент познания человеком мира.

Ключевые слова: метафизика; трансформация смысла науки; сущность науки; эмпиризм; научная картина мира; глобальные проблемы; духовный кризис; десакрализация; гуманизация науки; деконструкция познающего субъекта.

**ДЕСАКРАЛДЫК САРАМЖАЛДУУЛУКТУН КОНТЕКСТИНДЕ ИЛИМИЙ ТААНЫП-БИЛҮҮ
МАЗМУНУН ТРАНСФОРМАЦИЯЛОО ЖӨНҮНДӨ**

А.Г. Инговатова

Бул макала илимдин мазмунун трансформациялоого арналган. Автор дүйнөнүн сакралдык образын жоготуу трансформациялоонун негизи деп эсептейт. Ааламдын чындыгы интегралдык уюштуруучу маңыз менен шартталган. Илимдин милдеттеринин жана образдарынын өзгөрүшү ааламдын абсолюттук маңызынан баш тартуу менен байланышкан. Илимий таанып-билүүнүн трансформациялоо адамдын болмушту түшүнүүсүнө түздөн түз көз каранды. Макалада ой жүгүртүүнүн түрлөрүнүн социалдык-маданий жана тарыхый өткөнгө сереп салуусу сунушталды. Илимий акыл-эстин баштапкы багытын жөнөкөйлөтүү процесси изилдөөгө алынган. Илимий таанып-билүүнүн маанисин жөнөкөйлөтүүнүн себептерин аныктоо милдети чечилди. Автор илимде метафизикалык маселелерди актуалдаштыруу гана аны керектүү нукка кайтара алат деп эсептейт. Метафизика идеялык-руханий мазмуну менен илимди заманбап сарамжалдуу ой-жүгүртүү маселесин жеңип өтүүгө багыттай алат. Чындыкка карата баалуулукка негизделген мамиле илимде үстөмдүк кылган жөнөкөй реализмдин жана эмпиризмдин чыгымдарынан куткарат. Тар эмпирикалык ой жүгүртүү азыркы адамзат менен ааламдын ортосундагы мамилелердин көйгөйүн күчөтөт, руханий жана глобалдык экологиялык кризистин тереңдешине алып келет. Укуктары калыбына келтирилген метафизикалык багыт топтолгон карам-каршылыктарды жеңе алат. Ал илимий сарамжалдуулуктун орбитасына адамдын дүйнөнү таанып-билүүсүнө зарыл болгон онтологиялык жана баалуу мазмундук фундаментти киргизүүгө мүмкүндүк берет.

Түйүндүү сөздөр: метафизика; илимдин мазмунун трансформациялоо; илимдин маңызы; эмпиризм; ааламдын илимий көрүнүшү; глобалдуу көйгөйлөр; руханий кризис; десакрализация; илимди гумандаштыруу; таанып-билүүчү субъектти деконструкциялоо.

ON THE TRANSFORMATION OF SCIENCE UNDERSTANDING IN THE CONTEXT OF DESACRATED RATIONALITY

A.G. Ingovatova

The article dwells upon the transformation of science understanding. The author states that this process is rooted in loosing sacred vision of the world. Reality itself is determined by integral organizing reason. Changes of scientific problems and visions are due to total abandonment of absolute sense of the universe. The transformation of scientific knowledge is directly related to an individual's understanding of existence. The article gives sociocultural and historic perspective of different types of thinking. It is possible to trace a process of simplification of basic scientific mind. It is also on track for revealing reasons for reduction of science understanding. The author believes that only actualization of metaphysical questions of science can put it back on track. Metaphysical understanding of science can guide it through problems of modern rationalized thinking. Naive realism and empiricism which dominate today's science can only be avoided with the help of value criteria whilst analyzing our reality. Narrow empirical thinking intensifies the problem of relations between humans and the world, which in its turn contribute to spiritual and global environmental crisis. It is possible solve all these piled up problems through the recovery of metaphysical approach. It will allow to reintroduce ontological and axiological methods of man's understanding of the world.

Keywords: metaphysics; transformation of science understanding; essence of science; empiricism; scientific worldview; global problems; spiritual crisis; desacralization; humanization of science; deconstruction of the learning subject.

Человечество приближается к окончанию первой четверти XXI века. Этот век, не успев начаться, даже на фоне трагического во многих отношениях XX века уже представляется беспрецедентным по своей сложности, противоречивости и «неравновесности» в состояниях мира, в ведущих характеристиках жизни человеческого общества. В опыте социально-философского и культурфилософского дискурса констатируется «отказ» от выработанных общецивилизационных норм и ценностей существования глобального сообщества, что находит выражение в самых различных проявлениях жизни: международной политике и отношениях, значении государственных институтов, в экономике, общекультурных процессах, в отношении человека к человеку, человека к миру природы. С нашей точки зрения, ко все большему обострению проблем в отношении «человек – мир» в определенной мере приводит и смысловая недостаточность тех познавательных стратегий, которыми руководствуется современная наука фактически с периода утверждения классической научной рациональности.

Научная рациональность, образцы ее логики в условиях современного мира, где доминирует секуляризованное мышление, автоматически становятся эталонными образцами для сознательного опыта принятия решений в самых различных сферах существования человека. Естественно, к такому состоянию, при котором

научное знание и образ мышления в логике научного восприятия стали доминирующими, мир пришел не сразу, а с течением времени. Формирование традиций научного мышления имеет свою историю, оно неизбежно претерпевало то воздействие и влияние, которое было продиктовано переменами в мировоззренческом строе человека и как субъекта познания, и как субъекта культурно-исторической практики. Научное мышление не может не быть связано с переменами в понимании сознания и основ самосознания человека, с трактовками таких понятий, как «знание», «истина»; с опытом осмысления места и роли человека в мире. Огромную роль в формировании основ научного познания сыграла философия, которая под именем метафизики была не только универсальной прародительницей отдифференцировавшихся от нее и друг от друга направлений научного знания, но и неким единым смысловым камертоном. Именно в тесной связи с метафизикой, вопрошающей о первых причинах и конечных смыслах мироздания, в лице Парменида, Платона и Аристотеля формируются основы будущей физики, неразрывно связанные с понятиями причинности (формальной и действующей причины) и конечной цели (целевой причины). Понятие истины в ее начальном смысле – соответствующей действительному положению вещей реального мира, автоматически включается в восприятии познающего субъекта в единую и целостную картину

упорядоченного мироздания, емко именуемого космосом. Истина, являясь результатом разумного поиска, одновременно существует и присутствует незримо в метафизической установке как нечто абсолютное и фундирующее весь видимый и эмпирически воспринимаемый строй мироздания. Наука древних не только не отрекалась ни от интуиции смыслового единства мира, ни от благодати единого порядка, она «жила» на основе этой ведущей интуиции. Последующая теологическая эпоха только поддержала и укрепила данный смысловой настрой в сознании человека, творчески пронизав его нравственным и священным пафосом необходимой любви к миру, как совершенному результату божественного творения. Мир, безусловно, благ и пронизан единым творчески организующим его смыслом. Замысел мира гармоничен и совершенен подобно мыслящему абсолютному божественному началу. Средневековый алхимик был настроен уловить тайну замысла Творца, который для него являлся непреложной реальностью. Единство системно организованного мира, несмотря на бесконечную сложность и многообразие феноменального, обеспечено красотой, гармонией и утонченностью первичного замысла. Знание о мире – результат познающей мысли, направленной на понимание объективированных «следов Бога» здесь в физическом мире природы. Схоластика и возрожденческий пантеизм с его деперсонификацией абсолюта подготовили будущую эмансипацию человеческого разума и его дальнейший отрыв от живого созерцания и переживания единства с тайной творения, ибо и познающий человек сотворен, но как в своей высшей утонченной организации – лучшая часть замысла. Перемены в онтологических акцентах бытия как единого смысла, незримо стоящего за феноменальностью мира, на восприятие бытия как исключительно материальной вселенной, сыграли свою роль в трактовке как самой науки, так и ее целей, и задач: постепенно с XVII по XIX век происходит кристаллизация понятия науки как формы теоретического познания природной (материальной) действительности. Современная парадигмальная дифференцированная по отраслям знания наука – это наука о материи, ее свойствах, проявлениях связей и отношений

материального мира, выраженных символами научного языка. Утверждение механистического подхода в XVII веке, в том числе и к органической живой природе, отозвалось не только редуccionией представлений о мире к механическим перемещениям массы вещества, но и обусловило акцент на интересе к отдельным вещам и предметам физического мира в совокупности их собственных свойств и характеристик. С развитием экспериментального естествознания мир как некая целостно-смысловая конструкция все больше, условно говоря, «распадается» на отдельные предметы, ставшие конкретными объектами природы. Так, космос древних, в котором идея порядка и базовой идеи блага – это метафизическая основа существования многочисленных систем объективированного и явленного бытия, уступил свое место в сознании познающего человека понятию «природа», трактуемому как совокупность движущихся материальных предметов и явлений. Сконцентрировавшись на частном вне контекста единого интегрального смысла, субъект познания – ученый (естествоиспытатель) – получает все больше поводов для самоуверенной констатации прав на утверждение истины в высшей (значит, твердой непоколебимой) форме. Так, постепенно истина мира как цельного и предвечного человеку феномена с ее высоких онтологических высот переводится в компетенцию человека, ее выражение касается частных характеристик и свойств отдельных предметов и явлений природной реальности. С дальнейшей специализацией научного знания его отчужденность от восприятия мира как цельного и единого проекта, обоснованного духовно-сущностным содержанием, только усиливается.

Так, в XIX веке с учетом развития физики и усилением роли математического сопровождения естественнонаучного эксперимента автоматически сложились предпосылки для фактической нивелировки метафизической ценностно-смысловой установки на постижение подлинной сущности явления. Немалую роль в этом процессе сыграла усилившаяся популярность Венского кружка в начале 30-х годов уже XX века, трактовавшего научное понимание мира как пример понимания мира на основе строгих логических структур языка научного анализа

и доказательства. Идеальной моделью логически строгого языка науки является, с точки зрения участников данного философского семинара, аппарат математической логики, безо всяких апелляций к метафизическим вопросам. Сформировавшееся направление логического позитивизма, начиная с М. Шлика, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, О. Нейрата и др., довершило тенденцию на изгнание метафизики с поля научного познания, поскольку с разными вариациями, но решали они одну задачу: обоснование единства научного знания на базе универсального унифицированного языка науки, в основном опирающегося на языки физики и математики. В итоге в неопозитивизме (логическом позитивизме) логика научного знания как цельного процесса познания и получения новых знаний о мире оказалась вытеснена анализом языка науки, нацеленным на «удаление» из сферы науки неverifiedируемых, а значит, ничего не значащих для науки положений. Смыслом обладают только такие предложения, которые могут быть сведены к простой эмпирической констатации. Постепенно задачей философии науки становится не осмысление феномена науки в совокупности ее исторического и социокультурного опыта, а критический анализ логических и лингвистических ошибок языка готового знания, связанного с непосредственным чувственным и эмпирическим опытом субъекта. Однако главной задачей философии науки не может быть пусть и строгая логическая проверка самих научных положений. Роль философии шире и значительнее, поскольку видеть мир в целостности и единстве – ее прерогатива, то только она и сможет помочь науке не утратить ориентацию на максимальное исчерпывающее системное единство и здравомыслие в отношении к миру. Наука – это один из способов постижения бесконечного мира человеком, который должен не только осознавать внутреннюю сущность науки, но и связывать ее и с собственным сущностным определением, и самовыражением, и с реальностью как таковой. Наука не ради самой науки, не самодовлеющая ценность. Став сегодня одной из ведущих возможных характеристик познавательной активности человека, она сама является символом не всегда возможного к артикуляции в

логике рациональных понятий более глубинного смысла, который проясняется только в метафизических вопрошаниях: для чего человек единственный в этом мире оказывается наделен способностями разума, так сложно кодирующего и раскодирующего выводы и результаты собственного поиска, операциональные способности человеческого интеллекта в целом – для чего? Что за программа «включена» и для чего нужны эти показательные выступления «играющего» с собственным знанием разума в лице человека, неужели ради того, чтобы самому себе доказывать бесконечные возможности саморазвития на этой стезе? С какой целью и кто тот незримый, условно называемый провидец – «программист», что прозрел все необходимые условия процесса познания человеком мира? Попросту говоря, зачем человек наделяется познающими способностями, да еще и оказывается способным демонстрировать, увязывать сами полученные результаты познания в систему с отработанными, выверенными с помощью принятых за основу критериев, наконец, ради чего все это? На наш взгляд, нет более примитивного предположения, чем то, что все это ради большего технологического комфорта человека и власти человека над силами природы. Если пристальнее проследить этапы развития научного знания и поступательную смену одного типа научной рациональности другим, приходящим ему на смену, создается впечатление, что наука, но далеко не сразу, «отказавшись» от фундаментальной установки на единство и цельность в мировосприятии, словно начинает восполнять утраченные ею горизонты более масштабного и объемного мышления человека. Так, от строгой дисциплинарной организации наука сама постепенно переходит к стадии интеграции и междисциплинарным связям, а новые науки, возникшие в XX веке (генетика, квантовая химия и физика, а также кибернетика), стимулируют спрос на системно-интегральный подход, нелинейность и изначальную адогматичность исследовательских установок и парадигм, работающих в поле конкретно заданного исследовательского объяснения и языка описания. Так, многовековая одиссея «о-наученного», сциентизированного разума (разума, сведенного

к изучению конкретного и фрагментарного, воспринимаемого в оторванности от Бытия в целом) к XX веку завершается тем, что человечество, развившее мощь научного знания настолько, что само в определенном смысле стало заложником безаксиологической рациональности, с неизбежностью приходит к необходимости метафизического вопрошания: как же в итоге соотносится продуцируемая нами система жизни на основе наших знаний о мире с природным целым? Каков характер нашего воздействия на жизнь планеты (гидросферу, атмосферу, стратосферу, биосферу) и к чему может в дальнейшем привести такое отношение? Взаимосвязь научных открытий и наукоемких технологий, обслуживающих, увы, безудержно растущие потребительские интересы вошедшего в раж технического прогресса человека, не является очевидностью только для слепца. В чем должен состоять подлинный пафос науки, являющийся ценным и значимым в современных условиях и глобального экологического кризиса, и обостряющегося социально-политического кризиса особенно? Готово ли современное человечество в своем качественном строе одухотворить те уникальные и утонченные плоды научно-технического прогресса, с которым мы уже сегодня имеем дело? Обладает ли современное общество тем внутренним духовным потенциалом для того, чтобы придать им статус гуманных технологий, технологий, сохраняющих и культивирующих человеческое в человеке, развивающих человеческие начала? Служит ли современная наука в ее совокупном общемировом опыте, во всем содержании ее объективированных плодов утверждению общечеловеческих ценностей, способствует ли сохранению многообразия мира живой природы и мира социального (национальные культуры, роды и племена, государства и иные сообщества)? Наконец, самое главное: развивает ли она самого человека, способствуя в обретении им статуса самосознающего субъекта – субъекта, осознающего всякую мысль в самом себе и всякое действие, направленное вовне в отношениях с миром? Не будь вопросов подобного рода, благодаря которым физика словно дополняется метафизикой Смысла, вряд ли бы научное познание и по сию пору оставалось одной из самых

величественных сфер человеческого самовыражения и самоутверждения. Достоинства науки как уникального способа познания мира и высокие достижения науки, необходимые и закономерные черты жизни научного сообщества мы ни на йоту не ставим под сомнение в тех явленных образцах подлинного научного мышления, которое несет в себе заряд философской мудрости: наиболее яркие шаги в науке совершает ученый, задавшийся именно философским вопросом: исчезновение или сохранение, хаос или порядок, постоянство или перемена состояния, соотношенность или расхождение? Ученый (а великий ученый тем более) – мыслитель с философским складом мышления: Г. Лейбниц, ученый-медик Войно-Ясенецкий, В.И. Вернадский, Альберт Эйнштейн или Ричард Фейнман. Сегодня апология необходимых метафизических установок в научном сознании – это особенно настоятельная потребность для наших евразийских научных традиций еще и потому, что всеми силами (начиная с внедрения ЕГЭ) в систему нашего образования и науки проникают совершенно чуждые «установки аналитической философии» в научном мышлении, прагматизма и утилитаризма в моральных основаниях человеческой деятельности. Сведение познавательного процесса в науке к простым протокольным констатациям не только примитивизирует познавательный процесс, сводя его к опыту эмпирической данности, но и деконструирует цельность личности познающего, изымая из опыта познающего «Я» ориентацию на вопрос о конечных или последних целях познания. А ведь упомянутый великий Эйнштейн не случайно писал о значении «ощущения таинственности», в том числе и для глубоких тенденций в науке, наряду с религией и искусством: «тот, кто не испытывал этого ощущения (таинственности), кажется мне если не мертвецом, то во всяком случае слепым. Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что сокрыто за непосредственным переживанием, чья красота и совершенство доходят до нас лишь в виде косвенного звука, – это и есть религиозность. В этом смысле – я религиозен. Я довольствуюсь тем, что с изумлением строю свои догадки и смиренно пытаюсь создать далеко не полную картину со-

вершенной структуры всего сущего» [1, с. 175]. Мы замечаем сегодня, как окончательно выхолащивается традиция систематического мировосприятия, свойственная континентальной философии, в лице таких ее мэтров, как Г.В. Гегель, И. Кант, В. Шеллинг и более ранних метафизиков – Н. Кузанского, Б.Б. Спинозы, В. Лейбница. В последние полвека, что, естественно, связано с наступлением информационной цивилизации, проблемы методов и средств выражения научного знания или языка науки становятся все более и более популярными. На наш небеспристрастный взгляд, философия науки не может быть сведена и подменена ни только логикой научного знания, ни проблемами методологии, ни тем более не может ассоциироваться только с методами и алгоритмами получения результатов научного исследования. Философия науки не может отказываться от фундаментальной метафизической установки на целостность и единство системно-организованного знания о мире, в котором должна высвечиваться смысловая основа мироздания, ибо язык науки не ради самого языка и не ради возможных интерпретаций (двойных, тройных и далее формализаций и критериев их приемлемости и адекватности в пределах предлагаемой логики знания), язык науки – ради наиболее точного схватывания закономерного функционирования упорядоченной реальности в ее связях и отношениях. Ведь однозначно не хотелось бы и представлять, что для решения всемирно значимой задачи – создания наиболее эффективной и безопасной для человеческого организма вакцины от нового штамма вируса гриппа – ученые-иммунологи и вирусологи, генетики и физиологи человеческого организма сконцентрировали свое внимание на самой логике аргументации в пользу своих методов получения вакцины, не апеллируя ни к особенностям самого штамма, ни к возможным последствиям от его воздействия для человеческой иммунной системы. Представим на секунду, что вопрос о гуманных целях данного научного исследования, проведенного в столь краткие сроки именно под воздействием этой конечной цели, – спасение человечества и здоровья человека, заменили бы долгими спорами о логически правильном или неправильном

(недопустимом) анализе протокольных предложений? Или, что еще недопустимее в этих условиях: продуцировали вакцину исключительно в коммерческих целях, невзирая на недоработки? В основе развития высокой (подлинной) науки, с нашей точки зрения, как раз не то, что связывают с вящим прагматическим временным интересом человека, а вопросы, которые и сегодня продолжают оставаться в роли великих загадок: что есть жизнь в своей основе? как рождается мысль? как становилось сущее? В науке именно это «томление духа» по ответам на самые наисложнейшие вопросы, на какие только оказывается способен человеческий разум, и является вечной движущей силой познавательного интереса и прогресса знаний о мире. Так загадка жизни движет исследованием тех, кто занимается ее проявлением в макромасштабах (жизнь экосистемы определенной природной зоны) или метамасштабах – биосфера, и она же движет поиском истины в лице тех, кто занимается микробиологией или такими цельными органическими системами, как наш организм, организм растения. Законы жизненных процессов определены и универсальны, а жизнь бесконечна и непостижима с этой точки зрения в своих проявлениях. Научное знание о жизни обогащается поэтапным получением частных знаний о ней, но единство этих знаний недостижимо, ибо границы познания все время раздвигаются, подобно кругу Н. Кузанского, стремящегося к виду бесконечной прямой. Методология, логика и методы научного познания и необходимое внимание к ним оправданы ровно настолько и в тех пределах, насколько они способствуют пониманию и адекватному выражению этих законов. А вот уловить уместность и своевременность или неоправданную увлеченность вторичным интересом, ибо и он возможен в науке, ученым помогает метафизика. Так, Эвандро Агацци, анализируя современные подходы к научной объективности, предлагает брать за основу «привлекательный» смысл метафизики, тот, что существует со времен Аристотеля: метафизика «как наука о реальности как таковой», т. е. о наиболее общих чертах реальности, чью цель можно определить как исследование высших «принципов» самой реальности, с другой стороны –

она понимается как наука о тех измерениях реальности, которые превышают ее эмпирически проверяемый уровень (или, говоря коротко, как науку о «сверхчувственном») [2, с. 627]. Оправдание такого значения метафизики позволит понять, что наука и научная деятельность – это нечто большее, чем механическая совокупность методов, теорий и законов, а также апробированных методологических установок, и уж тем более, что она (наука) не есть только совокупность формализованных языков и логических интерпретаций (акцент на анализе формы отвлекает и от цельности, и от гармонического сочетания чувственного, рационального и сверхрационального в самом научном познании, и от необходимой аксиологической и смысловой доминанты в деятельности самого ученого).

Кстати, российская школа научной мысли шла по стопам так называемого континентального системного мышления, и это дало, безусловно, свои плоды в лучших достижениях отечественной науки. Наш ученый – это прежде всего воспринимающая системную сложность мироздания, осознающая себя и меру своей ответственности цельная личность. На каком бы научном поприще не был задействован профессионал-ученый, он не просто повествует языком науки: мол, «вот здесь, в этом фрагменте природного мира, мир таков, и так функционирует» и все (!). В лице ученого человек и мир вступают в уникальное диалогическое отношение познающего сознания и Реальности, за которой вечно и незримо присутствует истина Бытия. От понимания человека науки как нацеленного на изучение свойств природного мира, только с целью их практического использования, исключительно с целью приспособления и преобразования природных сил и материалов, ориентируясь на свои повседневные нужды, – подход, от которого ответственные представители научного и философского сообщества вот уже более полувека настоятельно призывают отказаться. Так как в условиях доминирования десакрализованной научной рациональности научно-техническое оснащение жизни превращается в самоцель, тогда как оно должно быть всего лишь средством в решении задач дальнейшего

творческого облагораживания самой человеческой природы. К чему в итоге приводит подмена подлинных целей познания тягой ко все большему обладанию средствами? К сожалению, сегодня все мы стали свидетелями того, как результаты научного развития, приведшие к воцарению высоких технологий информационно-цифровой цивилизации, приводят к новым формам обскурантизма, угрожающего и культуре научного мышления, и культуре как таковой. Цифровые технологии, в том числе и для участников процесса в высшем образовании, и для подавляющей массы глобального человечества – это далеко не стимул для углубления знаний о мире как целостной и функциональной взаимозависимой и связанной системе. В лучшем случае при учете масштабов информационных потоков это становится основой для формирования иллюзии всезнайства, якобы дающего право и повод без специального изучения становиться доморощенным знатоком чуть ли не во всех областях человеческого знания. Часто можно увидеть, как под материалом, предоставленным на общее обозрение глубокими специалистами, такой «знаток»-обыватель позволяет себе скептический комментарий без всякой мысли о мере собственного дилетантизма. Это далеко не пустые опасения, а своеобразная социально-психологическая угроза престижу научного знания, которая грозит перерасти в антикультурную норму. И данный факт напрямую, с нашей точки зрения, связан с теми подходами к изучению мира, которые сама наука привыкла считать настоящими. Научная культура сегодня сама под угрозой серьезной деградации, но эта угроза исходит от системного настроения, который порожден результатами развития наук на основе десакрализованного, лишенного ориентации на высшие духовные начала, мышления.

Литература

1. *Эйнштейн А.* Мое кредо: собр. науч. трудов. Т. IV // А. Эйнштейн. М.: Наука, 1967.
2. *Агацци Эвандро.* Научная объективность и ее контексты // Эвандро Агацци. М.: Прогресс-Традиция, 2017. Гл. 8 «Снова о научной истинности». Гл. 10 «Наука и метафизика».